

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

Дефиниции культуры

Выпуск VIII

Издательство Томского университета
2009

ТОМСК КАК КУЛЬТУРИМАГИНАЦИЯ

Э.В. Бурмакин

Наш семинар проходит в год, когда отмечается 130-летие со дня основания и 120-летие со дня начала занятий в Томском государственном университете – первом высшем учебном заведении к востоку от Урала. Российский император Александр II указом от 16 мая 1878 г. разрешил «учреждение Императорского Сибирского университета в Томске с четырьмя факультетами: историко-филологическим, физико-математическим, юридическим и медицинским...». Через десять лет в феврале 1888 г. правительство приняло решение об открытии Томского университета.

На многие десятилетия университет стал форпостом всей культурной жизни не только города, но и обширнейшей территории Томской губернии, объединявшей практически всю Западную Сибирь. И сегодня это плодотворное влияние университета на все слои и уровни культуры оказывается действенным; справедливо считать, что и наш семинар молодых учёных «Дефиниции культуры» стал постоянно действующим и Всероссийским в культурно-научных условиях, которые формировались в городе со времени начала работы университета.

Выпадали университету и весьма сложные периоды. Так в 90-е гг. прошлого века университет должен был выбирать: или остаться в рамках классического университета или приспособливаться, в ущерб качеству подготовки специалистов, к новым рыночным условиям жизни и работы. «Университет успешно реализовал задачу упрочить своё положение как классического университета... Этому способствовали в первую очередь интеграция образования с научно-исследовательской работой, развитие фундаментальных исследований во всех основных областях современного знания, оптимальное сочетание фундаментальных и прикладных научных исследований и профессионально-образовательных программ. Университет стал вести обучение по широкому спектру специальностей» [1, с. 14], «... удалось сохранить и развить основные

научные школы в области физики, математики и механики, наук о земле, биологии и гуманитарных наук» [1, с. 17].

Следует сказать, что в послевоенное время в Томском университете получили наиболее заметное развитие гуманитарные науки. Именно с 1946 г. сложились современные школы философов, филологов, историков. Так, философская школа ТГУ берёт начало с работы в Томске таких учёных, как П.В. Копнин, будущий академик профессор К.П. Ярошевский. С этими именами связаны становление школы гносеологии, а также социальной философии и, наконец, активное развитие культурологической мысли. У основания филологической школы стояли молодые учёные-филологи Н.Ф. Бабушкин, Н.А. Гуляев, М.И. Мальцев, Ф.З. Канунова, В.В. Палагина. Здесь стоит напомнить хотя бы две крупные работы филологов, за которые большая группа учёных была удостоена Государственных премий: это – описание библиотеки В.А. Жуковского и составление многотомного словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. (Писатель Виктор Астафьев был в числе тех, кто энергично поддержал выдвижение коллектива авторов словаря на Государственную премию, и признавался, что часто пользуется этим словарём).

Становление школы историков связано с именами А.П. Бородавкина, З.Я. Бояршиновой, И.М. Разгона. Томские историки исследовали широкий круг проблем русской и мировой истории, но им же принадлежит заслуга постановки проблем изучения истории Томска и Сибири в целом.

Именно эти учёные смогли поднять уровень и значение гуманитарных наук в Томском университете, а также в других вузах города и сибирском регионе до современных достижений в этой области знаний, сделать Томск закономерным центром такого рода исследований и новых практических новаций (так, например, в Томском университете была открыта первая в СССР межвузовская кафедра этики и эстетики, начавшая целый этап в вузовском образовании не только Томска, но и других городов страны, позже открывших подобные кафедры).

Итак, решающее значение в развитии интеллектуальной жизни города сыграл Томский университет. Но, как справедливо замечают авторы фундаментального издания о Томске: «Разумеется, тяга части томичей к образованию наблюдалась гораздо раньше появления университета. Её горячо поддерживали энтузиасты просвещения. И что удивительно, не скудела нива народная – замолчали, скажем, в Томске голоса просветителей Д. Кузнецова, Г. Потанина, Н. Ядринцева, на смену им пришли другие» [2, с. 139]. Здесь уже названы имена наиболее известных томских просветителей, но к ним надо прибавить по крайней мере Н.И. Наумова, И.А. Кушевского, В.В. Плотнокова, Ф.П. Любимова, Н.В. Берга.

Замечателен тот факт, что в Томске просветительская мысль занимала существенную часть интеллектуальной жизни города, составляла её особенную приметку и формировала характерную для этого города духовную ауру. Едва ли не символический смысл приобретает просветительская деятельность Петра Ивановича Макушина, в 1871 г. он открыл публичную библиотеку, отдав книги из личной библиотеки. П. Макушин открыл в Томске книжный магазин, издавал газеты, учредил Народный университет, организовал Общество попечения о начальном образовании. И вот на могиле П. Макушина, рядом с домом науки, носящим его имя, многие десятилетия горит электрическая лампочка, символизирующая содержание и смысл его деятельности, подтверждающая тот неоспоримый факт, что просвещение и образование несут людям свет.

Увы! Томск был и местом ссылки. Не по своей доброй воле жили здесь иногда недолго, иногда многие годы замечательные писатели, мыслители, революционные деятели. Счёт вести можно, начиная с таких имён, как К. Станюкович, М. Бакунин, Г. Батеньков, В. Берви-Флеровский, и до ссыльных советского времени, таких как философ Г. Шпет и поэт Н. Клюев. Для всех этих и ещё не названных ссыльных была характерна напряжённая духовная, мыслительная работа. Они писали здесь стихи и прозу, философские трактаты и публицистические статьи. Энергия их творческой деятельности запечатлелась в «городском тексте» (этот термин использовал литературный критик В. Яранцев).

Декабрист Г. Батеньков написал стихи о Томске, вместе со М. Сперанским составил проект экономического и социального преобразования Сибири, оставил несколько зданий и сооружений, что и запечатлелось в памяти горожан.

В.В. Берви-Флеровский – последний утопист, как он сам себя называл, пробыл в Томской ссылке только год, но здесь он начал собирать материал и писать свою работу «Положение рабочего класса в России», которую К. Маркс ставил в один ряд с книгой Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». И вот что написал Маркс после прочтения книги Берви: «Это труд серьёзного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и прежде всего человека, возмущённого против гнёта во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего все страдания и все стремления производительного класса» [3, с. 39].

А вот отзыв о Берви-Флеровском как бы с противоположного конца, с других позиций. М. Горький в воспоминаниях о Льве Толстом пишет: «Однажды, рассказывая ему о Тифлисе, я упомянул имя В.В. Флеровского-Берви.

Вы знали его? – оживлённо спросил Л.Н. – Расскажите, какой он?

Я стал рассказывать о том, как Флеровский – высокий, длиннородый, худой, с огромными глазами, – надев длинный парусиновый хитон, привязав к поясу узелок риса, варёного в красном вине, вооружённый огромным холщовым зонтом, бродил со мной по горным тропинкам Закавказья, как однажды на узкой тропе встретился нам буйвол и мы благоразумно ретировались от него, угрожая недоброму животному раскрытым зонтом, пятясь задом и рискуя свалиться в пропасть. Вдруг я заметил на глазах Л.Н. слёзы, это смутило меня, я замолчал.

Это ничего, говорите, говорите! Это у меня от радости слушать о хорошем человеке. Какой интересный! Мне он таким и представлялся особенным. Среди писателей-радикалов он самый зрелый, самый умный, у него в “Азбуке” очень хорошо доказано, что вся наша цивилизация – варварская, а культура – дело мирных племён, дело слабых, а не сильных, и борьба за существование – лживая выдумка, которой хотя и оправдать зло...»

И совсем не случайно, что Берви-Флеровский помог томичам избавиться от самодура губернатора Лерхе; прошло полтора столетия, а жители города об этом помнят, это событие зафиксировано во многих письменных памятниках.

Такие люди подготавливали великий социальный переворот в России. И когда он совершился, у новой власти появились новые ссыльные. По улицам Томска ходил и нашёптывал стихи замечательный русский поэт Николай Клюев, слагал свою поэму «Кремль», а иногда протягивал руку за милостью, стоя на мосту, построенном по проекту декабриста Батенькова. Томские филологи издали солидный том, посвящённый Клюеву, впервые опубликовав его поэму «Кремль» и документы о жизни и трагической гибели поэта на томской земле.

А вот ещё один ссыльный нового времени – Густав Густавович Шпет (1879–1937), выдающийся русский философ, автор многочисленных и замечательных трудов, среди которых следует прежде всего назвать «Явление и смысл», «Эстетические фрагменты», «Язык и смысл». После Октябрьской революции Шпет – директор основанного им Института научной философии, член комитета по реформе высшей и средней школы, постоянный член художественного совета МХАТ, участник Московского лингвистического кружка, преподавал в Институте слова, в Военно-педагогической академии РККА, в 1932 г. был назначен проректором создававшейся К.С. Станиславским Академии высшего актёрского мастерства. В 1935 г. был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, сослан вначале в Енисейск, а в ноябре 1935 г. переведён в Томск. 27 октября 1937 г. он был вторично арестован в Томске, приговорён «тройкой» к 10 годам без права переписки, но, как

утверждают некоторые биографы Шпета, был расстрелян. А вот справка Томского областного суда, выданная в 1956 г.: «Уголовное дело в отношении Шпета Густава Густавовича, осуждённого 9.XI.37 года, Президиумом Томского областного суда от 19 января прекращено за недоказанностью состава преступления».

В «Очерке развития русской философии» [4] есть замечательная мысль о русском невежестве, которое имеет многочисленные и разнообразные проявления, но вот что пишет Г. Шпет, определяя главное в этом понятии: «Наш общественный и государственный порядок всегда был основан на невежестве. Создавалась традиция невежества. Наша история есть организация природного, стихийного русского невежества. Наше общество и государство никогда не могли преодолеть внутреннего страха перед образованностью. Отдельные лица кричали об образовании, угрожали гибелью, рыдали, умоляли, но общество в целом и государство пребывали в невежестве и оставались равнодушными ко всем этим воплям. Страх перед “неизвестностью культуры” делал их глухими и непонимающими» [4, с. 261].

Страх перед «неизвестностью культуры» – вот что особо актуально во все времена, вот что составляет важнейший смысл понятия невежества. Томские философы обращаются к идеям Г. Шпета и находят их актуальное зерно.

Совершенно уникальны литературные традиции Томска.

Вот книга «Русские писатели в Томске», изданная в 1954 г., к 350-летию города. Её составитель и редактор, будущий ответственный секретарь Томской писательской организации Николай Фёдорович Бабушкин. Но до создания первой профессиональной писательской организации в городе ещё далеко. Какие же писательские имена упоминаются в книжке, что позволяет заявлять, что Томск – город литературный? В оглавлении приводятся имена тех писателей, кто долго жил в нашем городе, кто был проездом, кто специально приезжал, чтобы познакомиться с нашим краем, но, главное, называются те писатели, в чьей судьбе, в творчестве, Томск оставил свой след, кто рассказывал о нём в письмах, в воспоминаниях, в художественных произведениях. Итак, список открывается А.Н. Радищевым, далее следуют В.Г. Короленко, Г.Н. Успенский, К.М. Станюкович, Н.И. Наумов, А.П. Чехов, В.Я. Шишков, В.М. Бахметьев, А. Богданов, И. Эренбург, Г. Марков.

В творчестве каждого из этих писателей так или иначе запечатлен Томск. И они сами сохранились в «городском тексте». Приведу лишь несколько примеров в подтверждение.

К.М. Станюкович, известный русский писатель, публицист и беллетрист, отбывал ссылку в Томске, и здесь он стал писать свои знамени-

тые морские рассказы. Одновременно в «Сибирской газете» писатель опубликовал большой роман «Не столь отдалённые места», избрав псевдонимом имя Н. Томский. Культурная аура Томска помогла писателю не только выжить в ссылке, но и найти силы для творческой работы, которая влилась в общий просветительский поток, обогащавший духовно ссыльную Сибирь.

Николай Иванович Наумов – коренной сибиряк; он родился в 1838 г. в Тобольске, а восьмилетним мальчиком отец привёз его в Томск и отдал в гимназию. В гимназии будущий писатель, правда, проучился только три года и, когда инспектор сделал ему замечание по поводу его бедной одежды, оскорбился и наотрез отказался посещать уроки.

Потом была жизнь в Томске, в Петербурге, снова в Сибири: Томск, Кузнецк, последние годы жизни писатель провел в Томске.

«Эскизы без теней» – так назвал один из своих очерков Николай Иванович Наумов. Как всякий серьёзный, искренний, правдивый художник, он скромно оценил свой труд. В то же время он понимал, что его очерки и рассказы действительно отличаются от собственно художественной литературы. В них много публицистики, географических и этнографических сведений и описаний, отсутствуют фабульный сюжет, изящный пейзаж, обильные диалоги и т.д. Действительно, эскизы без теней.

Позволю высказать суждение, что произведения Наумова формировали некую новую жанровую модификацию художественной литературы, которую с успехом развили современные русские прозаики, начиная с очеркистов, писавших об острых проблемах деревни (В. Овечкин, Е. Дорош, В. Тендряков, С. Залыгин и др.).

Впрочем, если говорить об исполнении замысла, то главное – талант писателя, который непременно проявится в любой – и самой традиционной, и самой неожиданной манере. А Николай Наумов был талантлив, он был великолепным мастером очерка и рассказа, можно вполне согласиться с мнением Г.В. Плеханова, который писал: «Уж одного такого очерка, как “У перевоза” или “Деревенский аукцион”, достаточно, чтобы признать Наумова талантливым беллетристом». И далее: «...в семидесятых годах Н.И. Наумов пользовался огромной популярностью в самых передовых слоях нашей народнической интеллигенции. Его произведениями зачитывались. Особенный успех имел сборник “Сила солону ломит”» [5]. Его произведения увлекательно читать и сегодня, если интересуешься Сибирью, её людьми, характерами, природными условиями, прошлым этого огромного края, а сверх того потрясающими воображение и чувства историями из жизни каторжан, ссыльнопоселенцев, купцов или просто обыкновенных крестьян.

А.П. Чехов был в Томске недолго, он хотел увидеть университет, а его окружили полупьяные и совершенно пьяные местные газетчики, не давая ни минуты покоя, жалуясь на свою судьбу, на азиатское бесправие, которое царит в городе, напрашиваясь на угощение. Была весенняя распутица, и город, утопавший в непролазной грязи, оставил не самое лучшее впечатление у писателя. «Город грязный, нетрезвый» – отзывается Чехов о Томске. Обыватели обиделись, и их потомки, наши современники, установили на берегу Томи «памятник» А.П. Чехову – это, если трезво оценивать, босая, с огромными ступнями горилла, одетая в мужское пальто и шляпу, а на постаменте написано, что это Чехов, увиденный глазами пьяного мужика, лежащего в канаве и не читавшего «Каштанки». И давшие разрешение на установку этого памятника не смущаются тем обстоятельством, что он оскорбляет не только великого русского писателя, но и многие поколения томичей, среди которых, если верить надписи, не нашлось трезвого человека, чтобы увидеть истинный облик Антона Павловича. Справедливо было бы напомнить, что именно в Томске Чехов написал письмо матери, в котором содержатся его известные, знаменитые слова-признание: «Боже мой, как богата Россия хорошими людьми!»

Выдающегося русского писателя Вячеслава Яковлевича Шишкова связывают с Томском двадцать лет жизни. И каких лет – ранней молодости и полного расцвета: он приехал в Томск двадцати одного года от роду. Уже расставшись с Томском, через несколько лет в письмах к Потанину и Шкапской Вячеслав Яковлевич будет признаваться: «В Сибири я прожил двадцать лет – это вторая моя родина, пожалуй, не менее близкая и понятная сердцу, чем Россия, я переполнен впечатлениями, которых мне на всю жизнь хватит». «Вы ведь знаете, как я люблю Сибирь, вторую и главную мою родину. Большинство моих произведений посвящено этой очаровательной стране и её энергичным, трудолюбивым, честным людям». К этому можно добавить только то, что и как писатель Шишков родился в Сибири, в Томске.

К юбилею своего доброго знакомого Г. Вяткина Шишков написал сказку «Кедр» и предложил её томской газете «Сибирская жизнь». Газета опубликовала эту сказку. «Мне было 35 лет, – вспоминает Шишков, – но, когда появилась в печати моя вещичка, я радовался, как ребёнок». Так был сделан первый шаг в литературу, и он привёл к тому, что желание писать стало совершенно неудержимым. Шишков с увлечённостью пишет один за другим новые рассказы. Наконец, он берётся за более крупную вещь и пишет повесть «Тайга», которую посылает на отзыв Горькому, не только положительно о ней отзывавшемуся, но и опубликовавшему её в 1916 г. в журнале «Летопись». В этом же году выходит в

свет первая книга Шишкова «Сибирский сказ», включившая лучшие сибирские рассказы и очерки.

В середине августа 1915 г. Вячеслав Яковлевич навсегда покидает Томск и переезжает в Петроград. Совсем не с лёгким сердцем расстаётся он с Сибирью. «Мне действительно расставаться с Сибирью было тяжело, – вспоминает он, – близкое знакомство с профессорским миром (Солнцев, Вейнберг, Зубашев, Соболев и др.), личные друзья (Анучин, Бахметьев, Вяткин, Крутовский, Шатилов), моя работа (в составе президиума) в Научном обществе изучения Сибири и местном литературном кружке, а также мои частные выступления на народных чтениях и публичных вечерах – сцепили меня тугими канатами с местной жизнью, меня все знали, я пользовался уважением, имел литературное имя, в Петрограде же я явился почти круглым нулём, и мне пришлось, так сказать, начинать сначала».

В Петрограде Шишков, работая по специальности, с успехом продвигался и на литературном пути. Сибирь и Томск нашли своё отражение в его великолепном романе «Угрюм-река» и во многих других произведениях. Даже в далёком, казалось бы, от сибирской почвы прекрасном произведении «Емельян Пугачёв» оказался востребованным накопленный в Сибири опыт наблюдения за народной жизнью, яркими характеристиками, народными обычаями и нравами.

И в советскую литературу Томск внёс серьёзный вклад, достаточно назвать хотя бы имена Виля Липатова, лауреата Государственной премии Галины Николаевой, лауреата Ленинской и Государственных премий, дважды Героя Социалистического Труда Георгия Маркова, который в течение многих лет был руководителем Союза писателей СССР.

В настоящее время в Томске трудятся многие замечательные литераторы.

Конечно, литература – это только часть культуры, но она чутко улавливает общее состояние и движение культурной мысли, духовно-душевных запросов своего времени.

Большой русский писатель Виктор Астафьев говорил, что Томск – город литературный. Он, конечно, имел в виду не историю, а как раз общий духовный настрой, характерный для города, где рождается творчество.

Уместно вспомнить мысли Я. Голосовкера, который говорил о свойственном человеку «инстинкте культуры», а сама культура и есть высшая ценность, «она свободна, бессмертна и даёт бессмертие, она – творческое начало и цель творчества».

Голосовкер считал, что инстинкт культуры есть не только нечто земное, но и нечто вселенское – в мирах космоса... В своей работе «Логика мифа» он писал, что если на Земле исчезнет человек и даже исчез-

нет сама Земля, то его культуримагинации (так он называл незримые сгустки информации во Вселенной) могут не исчезнуть. Они могут перенестись в сознание иного высшего существа, живущего не на Земле, а где-то в космосе и одарённого высшим инстинктом воображения [см.: 6, с. 131].

Даже если пренебречь космической экзотикой высказывания Голосовкера, думается, что Томск может быть назван одной из культуримагинаций, потому что ему принадлежат такие сгустки информации, какие и обеспечивают бессмертие человеческой культуры.

Литература

1. *Профессора* Томского университета: Биографический словарь. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Т. 4, ч. I.
2. *Томск*. История города от основания до наших дней. Томск, 2004.
3. *Переписка* К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1961.
4. *Шпет Г.Г.* Сочинения. М., 1989.
5. *Наумов Н.И.* Избранные произведения. Новосибирск, 1951.
6. *Кедров К.* Поэтический космос. М., 1989.